

© 1996 г. К.Р. КЕРИМОВ

ЕСТЬ ЛИ КАТЕГОРИЯ ВИДА В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ?

Адекватное описание языка требует сопряжения трех основных аспектов его возможного анализа — предметного, функционального и исторического. Но история лингвистики сложилась так, что в поле ее зрения длительное время находились предметный (формально-структурный) и исторический аспекты [Ломов 1977: 5—6].

В изучении лезгинского языка (а также других дагестанских языков) ситуация в целом остается таковой и в настоящее время. Между тем в лингвистике в последние десятилетия в основном сложилась (во многом на материале русского и других славянских языков) теория функциональной грамматики — нового подхода к описанию языка, где объектом исследования являются комплексы разноуровневых средств, взаимодействующих при выполнении определенных семантических функций, — функционально-семантические поля (ФСП).

Импульсом к теории функциональной грамматики послужили: идея изучения языка с точки зрения того, как данный язык описывает определенные "зоны смысла", какими средствами передает те или иные функции (Ф. Брюно, Л.В. Щерба, В. Матезиус, Э. Кошмидер и др.); идея обязательного отражения в языках мира особых понятийных категорий — универсальных по содержанию и сугубо индивидуальных по способам их системного обнаружения в каждом отдельно взятом языке (О. Есперсен, И.И. Мещанинов); идея возможного расчленения лексической системы языка на совокупность полей, конstituенты которых обозначают так или иначе связанные друг с другом кусочки реальной действительности (Г. Ипсен, И. Трир, Л. Вайсгербер и др.); идея "составленности" различного рода сложнодинамических систем из частных систем, "ответственных" за определенные функции. Становление же этой теории в том виде, в каком она представлена в настоящее время в цикле коллективных монографий, изданных отделом теории грамматических и типологических исследований Санкт-Петербургского отделения Института языкознания РАН¹, происходило в процессе изучения категории глагольного вида в русском и других славянских языках и осознания морфологической категории вида лишь как наиболее грамматикализованной части более широкого явления — аспектуальности, понимаемой как семантический категориальный признак "характер протекания и распределения действия по времени" [ТФГ 1987: 40]. Именно в ходе аспектологических исследований в русистике сложился подход к описанию языка как системы функционально-семантических полей, и наиболее изученным в настоящее время является ФСП аспектуальности. Ни одна из грамматических категорий русского и других славянских языков не привлекала такого внимания исследователей, как категория вида и смежные с ней семантические категории [Шелякин 1975: 5].

В лезгинском же (как, видимо, и в других дагестанских языках) положение обратное. Констатируя здесь отсутствие видового противопоставления глаголов в том проявлении, в каком оно представлено в русском, исследователи оставляют за

¹ Имеется в виду серия академических изданий под редакцией проф. А.В. Бондарко и др. [ТФГ 1987; 1990; 1991; 1992].

рамками изучения аспектуальные значения вообще. Работ, посвященных семантике аспектуальности в лезгинском языке, практически нет. Из языков, родственных дагестанским, аспектуально-темпоральная система специально изучалась в нахских языках [Дешериева 1979]. Между тем семантика аспектуальности — неотъемлемая часть содержания глагола, занимающего центральное место в грамматической системе дагестанских (и не только дагестанских) языков. Отсутствие видового противопоставления глаголов в том виде, в каком оно представлено в славянских языках, не означает отсутствия средств выражения аспектуальных значений в лезгинском. Аспектуальность — один из центральных компонентов семантической структуры высказывания, и тот факт, что она остается за пределами изучения (а это сейчас и происходит в рамках уровневого подхода), делает описание языка ущербным. Как аспектуальные значения основ глагола и связанные с ними темпоральные и таксисные значения, так и аспектуальная семантика высказывания в целом представляют собой, на наш взгляд, ядро грамматического строя лезгинского языка, от адекватного описания которого зависит правильная интерпретация смежных с ним других подсистем.

Однако, как отмечалось выше, сфера аспектуальной семантики глагола остается вне поля зрения. В существующей литературе устоялась точка зрения, согласно которой лезгинский глагол не имеет категории вида, в чем заставляют сомневаться элементарные примеры. Ср.: *Гада векъиз фена* (<фена-ава) "Сын на сенокос ушел" и *Вун гъиниз физва?* (<физ-ава) "Ты куда идешь?". Дейктическая темпоральная категория ("внешнее" время действия по Г. Гийому [Guillaume 1973: 46]) представлена в обеих формах одним и тем же показателем -ва (<ава) со значением наличия факта в момент речи. Различаются же формы именно аспектуальными значениями ("внутренним" временем действия).

В сравнительно-исторических исследованиях по лезгинским языкам вид рассматривается как одна из существеннейших категорий пралезгинского языка, сохраняющаяся в современном лезгинском в форме противопоставления так называемых видовых основ (разрядка моя. — К.К.): основы недлительного вида (терминатива) и основы длительного вида (дуратива) [Алексеев 1985: 75]. Этим практически и ограничивается характеристика видовых значений лезгинского глагола, если не считать употребления определений "совершенное" и "несовершенное" в названиях временных форм [Жирков 1941: 70—80; Топуриа 1959: 103—106; Гайдаров — Алипулатов 1965: 110—135; Гайдаров 1987: 87—131; Талибов 1966: 567—584 и др.].

Однако, что же как не категория вида "противопоставление видовых основ"? Ведь и в русском вид — это лексико-грамматическое противопоставление видовых основ.

Общим для исследований по лезгинскому языку является противопоставление в качестве конъюгационных основ глагола масдара на -н и целевой формы (деепричастия, абсолютива) на -з, причем без разъяснения характера этого противопоставления.

Следует обратить внимание на то, что за основу временных форм принимается отглагольное имя действия — масдар. Однако лезгинский масдар более близок по своим категориальным признакам к русскому отглагольному имени на -н^{иел}-ен^{иел}-т^{иел}-ие со значением "действия или состояния, названного мотивирующим глаголом", нежели к инфинитиву. Лезгинский масдар, как и указанное отглагольное имя русского языка, представляет собой именование действия как процесса, и в результате этой "субстантивации" аспектуальная семантика глаголов нейтрализуется. Поэтому, поиски видовых значений в форме масдара, а значит и во временных формах от него, как это принято считать, — некорректны. К тому же, если к деепричастию (абсолютиву, целевой форме) на -з и можно по аналогии с русским языком поставить вопрос "Что делать?" (*Заз ксуз кланзава* "Я спать хочу"; *Вуч ийиз?* "Что делать?" — *Ксуз* "Спать"), к масдару соответствующего вопроса и не поставишь. Искать видовые значения в

форме масдара лезгинского глагола — это равносильно тому, чтобы искать их в русском *решение* (из *решать* и *решишь*).

Представляется, что временные формы не могут образовываться от именной основы, и поэтому интерпретация лезгинской формы масдара на -н в качестве основы для образования группы временных форм прошедшего совершенного I, III, IV нуждается в пересмотре. Основой, от которой образуются эти формы, является, по нашему мнению, основа так называемого причастия совершенного вида, от которой, как это принято считать, образуется только (!) форма прошедшего совершенного II (цун "шить"; *цвайи* > *цвая*). Во-первых, так называемое причастие совершенного вида проще по формальному составу — оно всегда имеет вариант без гласного в исходе, к которому и присоединяются показатели времени (*цвайи*//*цвай*, а в речи просто [цва]; *Им за цвай перем я* "Это мною сшитое платье"; ср. *цва-на* "сшил", а также масдар цун; -й в *цвай* относится больше к нормам орфографии). Во-вторых, и по своей семантике отглагольное имя носит более абстрагированный от действия характер, нежели причастие или временная форма, т.е. с большим основанием может считаться производным. Кроме того, в отличие от именной формы, образованной от глагола, причастия и деепричастия сохраняют аспектуальные признаки. Приведенные соображения подтверждаются сопоставлением форм:

	масдар	деепричастие	причастие	прош. сов. I
"хранить"	<i>хуь-н</i>	<i>хуь-з</i>	<i>хве-йи</i>	<i>хве-на</i>
"писать"	<i>кхьи-н</i>	<i>кхьи-з</i>	<i>кхье-й</i>	<i>кхье-на</i>
"становиться"	<i>хьу-н</i>	<i>же-з</i>	<i>хьа-йи</i>	<i>хьа-на</i>
"гореть"	<i>ку-н</i>	<i>ку-з</i>	<i>ка-йи</i>	<i>ка-на</i>
"идти"	<i>фи-н</i>	<i>фи-з</i>	<i>фе-йи</i>	<i>фе-на</i>
"давать"	<i>гу-н</i>	<i>гу-з</i>	<i>га-йи</i>	<i>га-на</i>
"шить"	<i>цу-н</i>	<i>цва-з</i>	<i>цва-йи</i>	<i>цва-на</i>
"сказать"	<i>лугьу-н</i>	<i>лугьн-з</i>	<i>лагьа-й</i>	<i>лагьа-на</i>
"держать"	<i>кьу-н</i>	<i>кьа-з</i>	<i>кьу-р</i>	<i>кьу-на</i>

Как видим, основы причастия и прошедшего совершенного полностью совпадают. Очень часто с основой причастия и прошедшего совершенного совпадает и основа масдара, как в последнем примере. Однако нет прецедентов единой основы масдара и прошедшего совершенного при отличной от них основе причастия. Косвенным подтверждением первичности основы причастия по отношению к таковой масдара может служить и тот факт, что в историческом плане лабиализованные согласные, которые присутствуют в соотносимых основах именно причастия и прошедшего совершенного, древнее. А позднейшим их рефлексом является лабиализация гласных основы.

Таким образом, все четыре формы так называемого прошедшего совершенного имеют в своем составе в качестве конъюгационной основы ту же основу, что и так называемое причастие совершенного вида.

Отрицая наличие категории вида у лезгинского глагола, исследователи тем не менее вынуждены приводить в словарях рядом с основной словарной формой — масдаром и форму деепричастия несовершенного вида на -з, поскольку она последовательно образуется для всех глаголов и служит основой для образования целого ряда временных форм с аспектуальной семантикой, отличной от таковой у форм, образованных от другой основы. Морфологический показатель -з присутствует и там, где основы образуются супплетивно.

Правоммерно ли при таком последовательном противопоставлении двух основ с различными аспектуальными значениями говорить об отсутствии и видовой оппозиции у лезгинского глагола? Разумеется, о наличии категории вида "можно говорить только там, где какие-то аспектуальные значения в пределах большей части (иногда всей) глагольной лексики получают регулярное выражение посредством парадигматически

противопоставленных друг другу грамматических форм глагола" [Маслов 1978: 24]. Полагаем, что такого рода грамматическое противопоставление в лезгинском языке есть. Оно отличается от оппозиции СВ и НСВ в русском как в формальном выражении, так и в плане содержательном — в области выражаемых значений и признаков. Именно недостаточной изученностью аспектуальных значений форм можно, на наш взгляд, объяснить наличие в грамматических описаниях лезгинского языка так называемых прошедшего I, прошедшего II, III и т.п. Между тем они различаются не только формально, но и выражаемыми аспектуально-темпоральными значениями, которые должны найти отражение в том числе и в их дефинициях².

Представлены в лезгинском языке и лексико-грамматические разряды способов глагольного действия (СД), образующиеся при помощи словообразовательных формантов, модифицирующих аспектуальную семантику исходного глагола. К ним относятся так называемые глаголы повторного действия [Талибов 1966: 568—570], образуемые при помощи аффикса *x-(xъ-)/-x-*: *атун* "приходить" > *хтун* "приходить еще раз"; *авун* "делать" > *хъувун* "делать повторно/дополнительно"; *къалурун* "показывать" > *къахлурун* "показывать повторно". Однако этот аффикс придает глаголам как значение повторяемости действия, так и значение комплетивности, например: *Хъинеъ!* "Доедай!".

К СД следует, видимо, отнести и глаголы, образуемые при помощи аффикса *-ma/-ma-* (<*ама* "еще есть, имеется"), рассматриваемые в литературе как формы настоящего II, прошедшего несовершенного II, давнопрошедшего III [Талибов 1966: 580]. Аффикс этот может присутствовать во всех формах от процессной основы на *-з*, а в формах от основы со значением целостного действия он встречается только у статических глаголов. Например, некорректны формы типа *фенма*, букв.: "пошел-еще-есть" и вполне естественны типа *ацукънама* "еще сидит", *ксанма* "еще спит". Такая несовместимость объясняется, на наш взгляд, следующим. Действие, обозначенное глаголами, оформленными аффиксами *-va/-va-* (<*ава* "есть, имеется") и *-ma/-ma-* (<*ама* "еще есть, имеется"), обладает признаком перцептивности. При этом аффикс *-ma/-ma-* придает действию признак продолжающейся или повторной наблюдаемости, а повторная или продолжающаяся перцепция больше совместима с процессным или статальным состоянием, нежели с совершившимся целостным фактом, выражаемым основой целостного вида динамических глаголов.

Приведенные примеры свидетельствуют о сложном переплетении в лезгинском языке категорий аспектуальности, темпоральности и способов глагольного действия, необходимости их разграничения.

Представляется, что неполно или же не совсем адекватно описаны в существующей литературе и некоторые другие "семантические зоны" грамматического строя лезгинского языка. Например, залоговость, и опять же, на наш взгляд, по той простой причине, что в лезгинском глаголе не обнаружилось аналогии оппозиции действительного/страдательного залога — морфолого-синтаксического ядра ФСП залоговости в русском языке. При констатации же отсутствия категории залога в лезгинском языке остается неясным, к чему отнести наличие в нем конструкции предложения со специальным эргативным падежом, служащей для выражения действия, исходящего от субъекта и направленного на объект, т.е. четко характеризующей отношение действия к субъекту и объекту. Видимо, в лезгинском

² Следует признать, что полнее, на наш взгляд, отражают аспектуальную семантику временных форм лезгинского глагола определения: даваемые им М. Хаспельматом [Haspelmath 1991: 120—161]. Однако и в этой работе содержится лишь обобщение, хотя и довольно продуктивное, уже имеющихся в литературе данных. Здесь также нет чего-либо нового относительно собственно видовых значений. Мы же исходим из того факта, что видовые значения лезгинского глагола почти не изучены, вследствие чего и описание семантики временных форм является недостаточно адекватным.

языке следует искать иного, нежели в русском, проявления функционально-семантической категории залоговости, с иным соотношением семантических признаков и соответственно конфигураций ФСП.

Думается, что причина такой неадекватности кроется в односторонности ставшего традиционным уровневого (стратификационного, системно-дифференцирующего) подхода к сопоставлению лезгинского языка с русским. Но такое сопоставление — как имплицитное, так и эксплицитное — шло и идет в настоящее время в русле традиционно формально-структурной грамматики, с использованием методов и моделей русского языка при описании лезгинского, подобно тому, как в свое время грамматическая теория европейских языков складывалась под влиянием структурных особенностей классических — латинского и греческого. При таком подходе очень велика вероятность переноса категориальной сетки одного языка на другой. Объективно он в большей степени направлен на поиск единообразия в сопоставляемых языках, вследствие чего за рамками описания могут оказаться черты идеоэтнические, в данном случае, для лезгинского языка. Исследование же проявлений семантических понятийных категорий в различных языках обычно имеет своим результатом не обнаружение единообразия, а, наоборот, констатацию значительных расхождений [Серебренников 1972: 5].

С другой стороны, уровневый подход в контрастивном исследовании может приводить к тому, что за категориальное значение грамматической формы, обнаруженной по аналогии с соответствующей формой теоретически более изученного языка, может оказаться принятым одно из частных значений этой формы в менее исследованном языке. Так, условное значение глагольной формы на *-mla* [Жирков 1941: 80; Гайдаров 1987: 107; Топуриа 1959: 124 и др.] является, на наш взгляд, лишь одним из ее частных значений, а инвариантной для этой формы является семантика эпистематической модальности (сommнение, неуверенность в действительном существовании сообщаемого факта), от которой производным является значение условия. (Ср. также употребление этой формы в высказываниях типа *Марф къвадамла?* "Дождь пойдет (интересно)?", где не столько запрашивается информация, сколько выражается неуверенность, предположение.)

Преодолению означенных недостатков в описании лезгинского языка — как уже проявившихся в существующих грамматических исследованиях, так и возможных в дальнейшем — будет способствовать, на наш взгляд, применение функционально-семантической (полевой) модели описания. При традиционном уровневом подходе анализ значений концентрируется в пределах отдельных грамматических единиц, классов, категорий. Комплексное рассмотрение сходных значений, выраженных разноструктурными единицами, становится возможным лишь при выходе за рамки уровневого описания.

Интегрирующий разноструовневые средства функциональный подход рассматривается в качестве необходимого на определенном этапе развития лингвистических исследований дополнительно к традиционному [ТФГ 1987: 3]. Таким этапом, собственно, и явился функциональный подход в русистике — функциональная грамматика создается уже на базе детального уровневого описания (видимо, именно вследствие этого возникают в настоящее время затруднения в совмещении этих двух подходов).

По-другому обстоит дело в грамматическом описании лезгинского языка. При наличии ряда работ по сравнительно-историческому его исследованию, а также описанию в отдельности фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики, фразеологии, пока отсутствует достаточно полная, цельная его уровневая грамматика³. Но из этого, на наш взгляд, не следует, что надо сначала создать полную формально-структурную грамматику лезгинского языка, затем функциоанльную, а потом уже их совместить.

³ Готовится к изданию грамматика лезгинского языка, которая задумана авторами как нормативная. Она построена на традиционном формально-структурном подходе, и разделы ее, соответствующие уровням языка, подготовлены Гайдаровым Р.И., Гюльмагомедовым А.Г., Мейлановой У.А. и Талибовым Б.Б.

Функциональный подход, благодаря его системно-интегрирующему характеру, позволяющему комплексно воспринимать и интерпретировать языковые факты, даст, видимо, больше пользы, если он будет совмещаться или даже где-то опережать формально-структурное описание, при котором, при всех оговорках, в основе оказывается чуждая классификационная система несравнимо более изученного русского языка. Поэтому применение функционально-семантической модели описания, при совмещении ее с традиционными подходами, позволит избегать неадекватной интерпретации языковых фактов при построении лезгинской грамматики.

Полагая в качестве основной задачи исследования выявление идеознического своеобразия языка, нельзя не пользоваться признаваемым наиболее соответствующим этой цели "инструментом" — контрастированием на базе функционально-семантической модели описания.

Для означенной цели такая модель обладает рядом преимуществ перед системно-структурными. Она предоставляет универсальное основание для сравнения — семантическую функцию, в отношении к которой определяется набор средств выражения в каждом из сопоставляемых языков и отношения между этими средствами. Как отмечается в литературе, функциональный подход в контрастивных исследованиях настраивает на более критическую оценку устоявшихся терминов и правил и является сильным оружием лингвиста, обеспечивающим отчетливость обозрения родного языка снаружи [Балин 1987: 4]. Контрастирование на базе языковых понятийных категорий или ФСП дает возможность усовершенствовать описание как второго языка сопоставления, так и исходного (в нашем случае соответственно лезгинского и русского).

Обычно при сопоставлении в качестве исходного выступает язык, который по причинам теоретического и практического характера мыслится как основа сопоставления. На настоящем этапе развития контрастивной аспектологии роли такого языка-эталоны больше всего соответствует русский, видовая система которого (вместе с другими славянскими языками) послужила толчком для развития аспектологии, и в центре внимания аспектологической теории находится, как правило, глагольная система русского языка. Именно в зеркале русской аспектологии описывается аспектиальность многих языков (немецкого, английского, казахского, турецкого, нахских и др.).

Целесообразность использования функционально-семантической модели для описания проявлений категории аспектиальности в лезгинском языке — а она все же должна как-то в нем проявиться, поскольку основные семантические категории универсальны [Ярцева 1981: 23] и сфера аспектиальности представлена во всех языках [Маслов 1975: 29; Бондарко 1983: 76] — видится в том, что ФСП — содержательная структура, не закрепленная за какой-либо одной грамматической формой, что должно способствовать сведению к минимуму заданности поиска форм и категорий в лезгинском языке по аналогии с русским.

Таким образом, в лезгинском языке следует искать не формы СВ и НСВ с противопоставлением "ограниченного пределом целостного действия" "неограниченному пределом нецелостному действию", а проявление семантической функциональной категории аспектиальности, которое может выразиться в оппозиции иных аспектиальных признаков и форм их выражения.

Аспектиальность понимается в функциональной грамматике как семантический категориальный признак "характер протекания и распределения действия во времени" (как понимал ее А.М. Пешковский [Пешковский 1956: 105]) и вместе с тем как группировка ФСП, объединенных этим признаком. Аспектиальные значения сосредоточены прежде всего в сфере глагольного предиката, в сфере действия (в широком смысле), аспектиальность же выходит за рамки действия предиката и характеризует высказывание в целом. Семантическая категория аспектиальности образует содержательную основу ФСП аспектиальности. ФСП — это базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и "строєвых"

лексических единиц, а также других средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций [ТФГ 1987: 11, 40].

К числу фундаментальных семантических признаков поля аспектуальности относятся такие характеристики "внутреннего" времени действия, как ограниченность/неограниченность пределом, наличие/отсутствие внутреннего предела, процессность/целостность факта, кратность, длительность, фазовость, перфектность, различие между действием, состоянием и отношением [Маслов 1978: 21; Бондарко 1983: 77; ТФГ 1987: 40].

Проявления категории аспектуальности в каждом из языков определяются тем, какие из приведенных выше аспектуальных признаков реализуются в нем в качестве общих, инвариантных, и какие — частных. В русском языке доминантой в противопоставлении глаголов СВ и НСВ выступает оппозиция целостного факта (СВ) отсутствию этой целостности (НСВ), образуя так называемую привативную оппозицию [Бондарко 1971: 99—103]. Выражается оппозиция целостного факта нецелостному в отношении действия к одному из фундаментальных признаков аспектуальности — ограниченности/неограниченности действия внутренним пределом, которая реализуется в различных способах глагольного действия. Устанавливаются инвариантные признаки СВ и НСВ экспериментально, на основании их сочетаемости с группами "аспектуально значимых" слов [Бондарко 1971: 99—103].

1. Инфинитив СВ не сочетается с фазовыми глаголами (нельзя **начал открыть*). Значит СВ имеет признак, несовместимый с членимостью действия на фазы. Это — целостность действия (Ц). НСВ может обозначать целостное действие (*Я читал эту книгу*), а может и не выражать. Значит для СВ целостность — "+", для НСВ — "+/-".

2. СВ не сочетается со словами типа "все": *Он все богател*, но нельзя *Он все разбогател*. Значит СВ не может выражать действие в процессе, для него процессность (Проц.) — "-". НСВ может выражать, для него Проц. — "+".

3. СВ сочетается с *однажды, как-то раз* и т.п., но не с *иногда, порой* и т.п. Первые указывают на локализованность (Л) действия во времени, вторые — на нелокализованность. Значит для СВ локализованность — "+/(-)". Заключение знаков "+" или "-" в скобки означает, что возможность выражения или невыражения признака ограничена. Для НСВ локализованность — "+/-".

4. СВ ограниченно сочетается с *долго, два часа* и т.п., т.е. ограниченно выражает признак длительности (Д) (нельзя *Он долго открыл*), но с длительностью сочетаются глаголы ограничительного (*поболеть, посидеть*) и длительно-ограничительного (*проболеть, просидеть*) способов действия, например, *Посидел/просидел два часа*. Но это лишь исключения. Значит для СВ длительность — "(+)/-", а для НСВ — "+/-".

Отношение СВ и НСВ к указанным признакам обобщается в таблице:

Виды	Аспектуальные семантические признаки			
	Ц	Проц.	Л	Д
СВ	+	-	+/(-)	(+)/-
НСВ	(+)/-	+/-	+/-	+/-

Таким образом, доминантным аспектуальным признаком оппозиции СВ и НСВ является признак целостности глаголов СВ.

Такая схема установления видовой оппозиции приложима и к лезгинскому языку. Она дает возможность путем анализа "от содержания к форме" выявить свойственный именно для данного языка характер проявления функционально-семантической категории.

Если рассмотреть отношение деепричастия на -з и причастия совершенного вида лезгинского языка к приведенным выше аспектуальным признакам, то выявится, примерно, следующая картина.

Деепричастие сочетается с фазовыми глаголами типа *башиламишун* "начинать", *давамарун* "продолжать", *куэтягьун* "завершать" (*кхьиз башиламишун* "начать писать"), значит целостностью оно не обладает (Ц — "-"). Процессностью оно обладает (*Кгелиз гьеле жезма — мичли хьанвач* "Читать еще можно — не стемнело"), значит для него Проц. — "+".

В деепричастии на -з проявляются все существенные для семантики процессности элементы: динамичность (протекание действия от более ранних моментов к более поздним); "срединность", т.е. процесс протекает до и после фиксируемого в речи момента, но в фокусе лишь срединный момент. Основным свойством процессных ситуаций является наблюдаемость, установка высказывания на описание действия. В лезгинском наблюдаемость, непосредственное восприятие (перцептивность) специально выражена вспомогательными глаголами *ава*, *ама*, присоединяемыми во временных формах к основе (*физава < физ-ава* "идет, находится в процессе движения", *физма < физ-ама* "еще идет"). Причастие совершенного вида с "индикаторами" процессности типа *гьеле* "пока еще" не сочетается, значит для него Проц. — "-". Признаком же целостности, несовместимым с членимостью действия на фазы, оно обладает. Значит для причастия Ц — "+".

Обе формы сочетаются с длительностью, словами типа *йугьди* "весь день", *кьвед-пуд сятда* "в течение двух-трех часов" и т.п. Однако эта сочетаемость зависит от аспектуальных характеристик глаголов, по которым они образуют лексико-грамматические разряды способов действия, т.е. от отношения к внутреннему пределу действия. Например, формы причастия и деепричастия глаголов типа *кьин* "умирать", *лугьун* "сказать" (но не со значением "говорить" или "петь") с длительностью не сочетаются. Это обстоятельство может наложить ограничения, но не изменить в принципе отношения причастия и деепричастия к признаку длительности, поэтому оно может быть выражено как "+/-".

Деепричастие сочетается и с локализованностью и с нелокализованностью (*садра* "однажды, как-то раз"; *гагь-гагь* "иногда, временами"). Значит для него Л — "+/-". Причастие совершенного вида также может сочетаться с "индикаторами" и локализованности и нелокализованности, хотя и здесь возможны ограничения, связанные со способами действия.

Изложенное можно свести в таблицу⁴.

Видовые основы	Аспектуальные семантические признаки			
	Ц	Проц.	Д	Л
деепричастие на -з	—	+	+/-	+/-
причастие сов. вида	+	—	+/-	+/-

Как видим, так называемые деепричастие на -з и причастие совершенного вида лезгинского глагола противопоставлены друг другу в плане аспектуального содержания признаками процессности и целостности, образуя, таким образом, эквивалентную оппозицию (ср. привативную оппозицию целостности и отсутствия цело-

⁴ Разумеется, приведенный анализ обозначает лишь основные контуры описания семантических признаков аспектуальности в лезгинском языке. Для более подробного и точного исследования семантики видового противопоставления очень важно предварительно описать лексико-грамматические группы способов глагольного действия и проявления в них категории предельности/непредельности, выделить все аспектуально значимые слова, по сочетанию с которыми устанавливается возможность/невозможность выражения того или иного признака и др. Однако изложенное позволяет, на наш взгляд, выявить сам факт наличия видовой оппозиции у лезгинского глагола и определить доминирующие семантические признаки этого противопоставления. Поэтому и таблица, видимо, должна претерпеть уточнения, но не в части признаков целостности и процессности.

стности глаголов СВ и НСВ в русском). Противопоставление это идет, что весьма существенно, всегда в рамках единого лексического значения, не модифицируемого дополнительной деривацией. Обе эти формы представляют собой видовые основы, от которых образуются соответствующие ряды временных форм. Причем обе они включаются в состав временных форм целиком (ср. в русском языке, где суффикс инфинитива СВ и НСВ при образовании временных форм отбрасывается), если не считать *-й/-ьи* в исходе причастия совершенного вида, которые можно отнести к орфографической традиции и вариантам, не несущим семантической нагрузки. Формальным показателем, противопоставляющим основы, можно признать суффикс *-з* основы "процессного вида", отличающий ее от основы "целостного вида"⁵. Суффикс этот присутствует в основе "процессного вида" и тогда, когда она супплетивна.

Однако возникает вопрос, правомерно ли деепричастия и причастия, т.е. атрибутивные формы глагола, рассматривать в качестве конъюгационных основ временных форм? Ответ на него, как представляется, зависит от интерпретации этих форм лезгинского языка. Если они производные, то где формы производящие, от которых они образованы? Таких форм, которые можно было бы соотнести в этом плане с инфинитивами русского языка, в лезгинском нет, т.е. нет форм, которые были бы нейтральны в плане категориальных грамматических значений и проще по формальному составу, чем эти основы "процессного вида" и "целостного вида". С другой стороны, формы эти сами по себе неизменяемые. При словоизменении определяемого ими стержневого слова сами они не изменяются: словоизменятельные аффиксы причастие совершенного вида, например, приобретает лишь при субстантивации. А так называемое деепричастие определяется еще то как "абсолютив", то как "целевая форма". Интерпретация его как деепричастия основана исключительно на одной из функций в высказывании. Приводятся примеры типа: *Аялди фу къачуз незва* "Ребенок, беря хлеб, ест"; *Стхадн шейер къачуз чамаданда хтуна* "Брат, беря вещи, складывал их в чемодан" [Талибов 1966: 57]. Мы бы перевели эти примеры как "Ребенок хлеб берет, ест" (*берет — ест, берет — ест...*) и "Брат вещи брал, складывал в чемодан", т.е. здесь имеются в виду не одновременные действия, а чередующиеся, сменяющие друг друга. Одновременное, в строгом смысле, действие с действием, передаваемым предикатом, форма на *-з* обозначает лишь при дублетном употреблении: *Ам хъуьрез-хъуьрез чи патав атана* "Он подошел к нам смеясь" (в случае, когда эта форма выполняет собственно функцию деепричастия).

Употребление же этой формы в целевом значении ограничено использованием ее при предикатах со значением движения, перемещения в пространстве: *Буба хеб къачуз фена* "Отец пошел покупать барана"; *За гада клелиз ракъурда* "Я сына учиться пошлю". Собственно, в этом значении может использоваться и русский инфинитив, и лезгинская форма на *-з* в функциях, аналогичных функциям инфинитива в русском, используется чаще. А из категориальных грамматических значений в нем присутствует только значение процессности. Поэтому ближе к истине, видимо, определение ее как абсолютива.

Сложнее с основой "целостного вида", так называемого причастия совершенного вида. Эта форма выполняет в предложении только атрибутивную функцию. Однако может ли это служить препятствием тому, чтобы признать ее основой временных форм, если в языке нет формы, от которой она была бы производной, и если она чаще целиком, сохраняя свою видовую семантику, включается в состав соответствующих временных форм.

В плане интерпретации причастий и деепричастий лезгинского языка интерес представляют сопоставления, например, с фактами хиналугского языка, где основы

⁵ От строгих дефиниций, аналогичных русским "совершенный вид" и "несовершенный вид", которые бы отражали аспектуальное содержание этих основ в изложенном понимании, мы пока воздерживаемся. Эти формы, на наш взгляд, нуждаются в более точной теоретической интерпретации.

так называемых результативного и нерезультативного видов выступают в функциях соответственно простого настоящего и аориста, а также причастий, деепричастий и абсолютивов с соответствующими аспектуальными значениями. При этом только в роли деепричастий эти основы оформляются суффиксом *-йаь*, соотносящимся с союзом "и" [Керимов 1986: 12—20]. Аналогичные явления отмечаются и в других языках лезгинской группы, например, в табасаранском и агульском. В связи с этим уместно привести и замечание И.И. Мещанинова о том, что "лингвистическое изучение причастий склоняется к признанию их за весьма древнюю языковую форму, развивающуюся, по-видимому, параллельно глагольной, а может быть, даже предшествующую ей" [Мещанинов 1978: 286].

Все изложенное дает, на наш взгляд, основание представить в обобщенном виде схему образования временных форм лезгинского глагола следующим образом:

Что касается формы масдара, то она как по структуре, так и по семантике ближе к основе "процессного вида", т.к. она обозначает действие как процесс (не случайно, видимо, глаголы типа *кьин* "умирать", *фин* "пойти", "уйти" имеют параллельные формы масдара *кьиникь*, *финиф*, в которых редубликация как бы компенсирует недостающую референтному содержанию таких глаголов процессность). Однако быть производящей основой для временных форм масдар не может по причинам, о которых говорилось выше.

Мы не ставили здесь задачи дать целостное описание ФСП аспектуальности лезгинского языка в сопоставлении с русским. Однако приведенные суждения представляются вполне достаточными по крайней мере для постановки вопроса, внесенного в заглавие статьи. Ее целью являлось также показать продуктивность использования в контрастивных исследованиях дагестанских и русского языков функционально-семантической (полевой) модели описания. Интерес к сопоставительному изучению русского и дагестанских языков, проявляемый в последнее время, позволяет считать, что иллюстрация применения одного из новых и перспективных подходов в этой области будет полезной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев М.Е. 1985 — Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков: Морфология. Синтаксис. М., 1985.
- Балин Б.М. 1987 — Актуальная задача советской контрастивной грамматики // Контрастивная и функциональная грамматика. Калинин, 1987.
- Бондарко А.В. 1971 — Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
- Бондарко А.В. 1983 — Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Гайдаров Р.И., Алипулатов М.А. 1965 — Лезги чIал: Педучилище патал учебник. Махачкала, 1965.
- Гайдаров Р.И. 1987 — Морфология лезгинского языка (Учебное пособие). Махачкала, 1987.
- Дешериева Т.И. 1979 — Исследование видо-временной системы в нахских языках (с привлечением материала иносистемных языков). М., 1979.
- Жирков Л.И. 1941 — Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941.
- Керимов К.Р. 1986 — Глагол хиналугского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1986.
- Ломов А.М. 1977 — Очерки русской аспектологии. Воронеж. 1977.
- Маслов Ю.С. 1975 — Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет // Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975.
- Маслов Ю.С. 1978 — К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.

- Мецаинов И.И. 1978 — Члены предложения и части речи. Л., 1978.
- Пеиковский А.М. 1956 — Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
- Серебренников Б.А. 1972 — О лингвистических универсалиях // ВЯ. 1972. № 2.
- Талибов Б.Б. 1966 — Грамматический очерк лезгинского языка // Б. Талибов, М. Гаджиев. Лезгинско-русский словарь. М., 1966.
- ТФГ 1987 — Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- ТФГ 1990 — Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- ТФГ 1991 — Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- ТФГ 1992 — Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992.
- Топуриа Г.В. 1959 — Основные морфологические категории лезгинского глагола (по данным кюринского и ахтынского диалектов). Тбилиси, 1959.
- Шелякин М.А. 1975 — Основные проблемы современной русской аспектологии // Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975.
- Ярцева В.Н. 1981 — Контрастивная грамматика. М., 1981.
- Guillaume G. 1973 — Langage et science du langage. 3-e. ed. P., 1973.
- Haspelmath M. 1991 — A grammar of Lezgian. B., 1991.